

«С КОСМОЮ ДЫМНОЮ НА ЛБУ»: ПОРТРЕТЫ А.М. ГОРЬКОГО В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

© 2023 г. Д.А. Сухоева

Аннотация: В статье рассматриваются черты портрета и характера А.М. Горького как человека, писателя, представителя эпохи в произведениях В.Ф. Ходасевича. В творческом наследии Ходасевича фигура Горького возникает в связи с разными периодами общения писателей: заочное знакомство; сотрудничество во «Всемирной литературе»; теплая дружба и работа над «Беседой» в эмиграции; идеологическое непонимание и «разрыв»; а также возвращение Горького в СССР (1920–1930-е гг.). Фоном этих воспоминаний служат разные пространства: Россия, Германия, Италия. В исследовании показана неоднозначность ходасевичевских оценок.

Ключевые слова: Ходасевич, Горький, воспоминания, литературный портрет, эмиграция.

Информация об авторе: Дарья Александровна Сухоева — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, д. 15, 614068 г. Пермь, Россия.

E-mail: darya.sukhoeva@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4797-5078>

Для цитирования: Сухоева Д.А. «С космою дымною на лбу»: портреты А.М. Горького в литературном наследии В.Ф. Ходасевича // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 222–233. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-222-233>

“S KOSMÓYU DYMNOYU NA LBU”:
PORTRAITS OF A.M. GORKY
IN THE WORKS OF V.F. KHODASEVICH

© 2023. Darya A. Sukhoveva

Abstract: The article deals with the peculiarities of the portrait and character of A.M. Gorky as a person, a representative of the epoch in the work of V.F. Khodasevich. In the creative legacy of Khodasevich, the Gorky's personality arises in connection with periods of communication between writers: non-personal acquaintance; collaboration in “World Literature”; friendship and work on “Beseda” in the emigration; ideological misunderstanding and “parting”; as well as the return of Gorky to the USSR (1920–1930s). The backdrop of the memories are different spaces: Russia, Germany, Italy. This article revealed the ambiguity of Khodasevich's estimates.

Keywords: Khodasevich, Gorky, memories, portrait, emigration.

Information about the author: Darya A. Sukhoveva, PhD in Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Perm State University, Bukireva, 15, 614068 Perm, Russia.

E-mail: darya.sukhoveva@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4797-5078>

For citation: Sukhoveva, D.A. “S kosmóyu dymnoyu na lbu: Portraits of A.M. Gorky in the Works of V.F. Khodasevich.” *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 222–233. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-222-233>

В.Ф. Ходасевич и А.М. Горький, не совпадая в литературных взглядах¹, оказались «попутчиками» в жизни и литературе на 7 лет: с 1918 до 1925 г. Этими временными рамками их общая история не ограничивается. Для Ходасевича Горький «продолжался» и после «разрыва» в 1925 г. В 1930-е гг. он публикует

---

¹ «Моя литературная жизнь протекала среди людей, которые Горькому были чужды и которым Горький был так же чужд» (*Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151*).

в разных вариациях и под разными именами свои воспоминания о Горьком². Таким образом, история отношений Ходасевича с Горьким может быть поделена на 5 периодов: 1. Заочное знакомство; 2. Петроград и «Всемирная литература»; 3. Германия и «Беседа»; 4. Италия и непонимание; 5. P. S. Осмысление Горького³.

Заочное знакомство писателей было взаимным, но началось в разное время: Ходасевич входил в литературу, когда Горький был уже известным писателем. Ходасевич был знаком с ранними рассказами Горького, посетил один из первых спектаклей «На дне»⁴, как начинающий критик оставил несколько заметок о сборниках «Знания» в 1900-е гг.⁵ А в 1908 г. узнал от Н.И. Петровской, что Горький знаком с его первой книгой стихов⁶.

Любопытное стечение обстоятельств в середине 1910-х гг. привело их друг к другу: «В 1916 году в Москву приехал Корней Чуковский. Он сказал мне, что возникшее в Петербурге издательство “Парус” собирается выпускать детские книги, и спросил, не знаю ли я молодых художников. <...> Я <...> дал адрес моей племянницы, жившей в Петербурге. Ее пригласили в “Парус”, там она познакомилась с Горьким. <...> Когда Горький организовал известное издательство “Всемирная Литература”, меня вызвали в Петербург и предложили заведовать московским отделением»⁷.

---

² Черкасов В.А. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком // Литературный факт. 2018. № 7. С. 331–346; Луговская Д.А. История создания мемуаров В.Ф. Ходасевича о М. Горьком // Текстология и историко-литературный процесс. 2018. С. 131.

³ В биографии Горького выделяют 4 периода: заочный — петроградский — немецкий — итальянский (Клинг О.А. Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 171).

⁴ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151.

⁵ См. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2010. Т. 8.: «Пленителен по трогательности перепечатанный вновь прежний набросок Горького “Идиллия”» (С. 28); «Драма Горького истинно примечательна» (С. 31) и др.

⁶ Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151.

⁷ Там же.

Осенью 1918 г. они впервые встретились. В «Некрополе» Ходасевич так описал эту встречу: «Он вышел ко мне похожий на ученого китайца: в шелковом красном халате⁸, в пестрой шапочке, скуластый, с большими очками на конце носа, с книгой в руках. К моему удивлению, разговор об издательстве был ему неинтересен. Я понял, что в этом деле имя его служит лишь вывеской»⁹. Первое впечатление Ходасевича от встречи с Горьким двоякое. С одной стороны, поэт зафиксировал образ ученого китайца, с другой — человека-легенду, на имени которого можно «воздвигнуть» предприятие — издательство «Всемирная литература».

Ходасевич увидел в Горьком и человека. С первых страниц главы «Горький» в «Некрополе» он отмечал в нем склонность помогать ближнему: «Горького осаждали посетители — по делам Дома Искусства, Дома Литераторов, Дома Ученых, “Всемирной Литературы”; приходили литераторы и ученые, петербургские и приезжие; приходили рабочие и матросы <...> приходили артисты, художники, спекулянты, бывшие сановники, великосветские дамы. У него просили заступничества за арестованных, через него добывали пайки, квартиры, одежду, лекарства, жиры, железнодорожные билеты, командировки, табак, писчую бумагу, чернила, вставные зубы для стариков и молоко для новорожденных. <...> Горький выслушивал всех и писал бесчисленные рекомендательные письма»¹⁰. Хотя этот комментарий Ходасевича довольно ироничен, нельзя сказать, что он недооценивал горьковского человеколюбия. В статье «Все — на писателей!» (1922), которая впервые была опубликована в «Голосе России» под псевдонимом Л. Боровиковский, Ходасевич, рассуждая о травле интеллигенции после революции, отметил: «Стараниями

⁸ Красный халат упоминается еще раз, но уже с привязкой к другому месту, Сорренто: «Около полуночи он уходил к себе и либо писал, облачаясь в свой красный халат, либо читал в постели» (Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 157). В обоих случаях красный халат связан у Ходасевича с работой Горького (чтением, писательством).

⁹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 153.

Горького и Луначарского добились ученых пайков для писателей»¹¹.

В наследии Ходасевича содержится немало историй, реабилитирующих Горького. Например, в рецензии на «Живые лица» (1925) З.Н. Гиппиус Ходасевич восстанавливает историю, связанную с В.В. Розановым: «З.Н. Гиппиус сказали, что Розанов <...> “такой нищий, что на вокзале собирает окурки”. Потом — будто бы он расстрелян. <...> Дело в том, что Розанова не только не расстреляли, но он даже и арестован не был. Далее, З.Н. Гиппиус сообщает, будто Горький “поручил кому-то из своих приспешников исследовать слух о Розанове и, когда ему доложили, что Розанов не расстрелян, приказал прислать ему немного денег”. Все это сообщено с чужих слов и — неверно. Горький никому не давал таких поручений, ибо знал, что Розанов на свободе. Что же касается до посылки денег <...> просто — пришел ко мне покойный Гершензон и попросил меня позвонить Горькому по телефону и сообщить о бедственном положении Розанова. Я так и сделал»¹².

Ко времени сотрудничества во «Всемирной литературе» относится и случай спасения самого Ходасевича: «Летом 1920 года со мной случилась беда. Обнаружилось, что одна из врачебных комиссий, через которую проходили призываемые на войну, брала взятки. Несколько врачей расстреляли, а все, кто был ими освобожден, подверглись переосвидетельствованию. <...> Случайно в Москве очутился Горький. Он мне велел написать Ленину письмо, которое сам отвез в Кремль»¹³.

По мнению Ходасевича, к 1921 г. попытки Горького помочь нуждающимся перестали иметь успех, что и стало причиной отъезда писателя из России. Объяснялась потеря влияния конфликтами, которые были у Горького с политической элитой (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, А.В. Луначарский). Ходасевич в воспоминаниях «Горький» (1938), опубликованных посмертно (1940), приводит последовательно несколько историй, в которых раскрывается тема отношений Горького с властью.

¹¹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 90.

¹² Там же. С. 131–132.

¹³ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 152.

Первая история связана с семьей Каменевых и борьбой за власть в Театральном отделе Наркомпроса (Тео) жен Горького и Каменева — М.Ф. Андреевой и О.Д. Каменевой¹⁴.

Вторая история о сложной вражде с Зиновьевым: «Продовольствие, топливо и одежда, которые Горький с величайшим трудом добывал для ученых, писателей и художников, перехватывались по распоряжению Зиновьева и распределялись неизвестно по каким учреждениям»¹⁵. Говоря о потере Горьким влияния, вспоминает Ходасевич и о деле Таганцева: «Горький делал неслыханные усилия, чтобы спасти привлеченных по делу, но его авторитет в Москве был уже равен почти нулю. Не могу этого утверждать положительно, но вполне допускаю, что, в связи с Зиновьевым, заступничество Горького даже еще ухудшило положение осужденных»¹⁶.

Третья история связана с Луначарским и невозможностью выпустить в июне 1921 г. за границу А.А. Блока и Ф.К. Сологуба: «После ужина он повел меня в свой маленький, тесный кабинет <...> и показал мне копию письма Луначарского, датированного 22-м числом. Пока я читал, он несколько раз спрашивал: “Каково? Хорошо?” Прочитав, я сказал: “Осел”. — “Не осел, а сукин сын”, — возразил он, покраснев, и тотчас прибавил: “Извините, пожалуйста”. <...> За чаем он хмурился, не принимал участия в разговоре, иногда вставал и, ходя по комнате, бормотал, уже во множественном числе: “Ослы! Ослы!”»¹⁷ Превращение «осла» в «ослов», вероятно, говорило о непонимании Горьким не только Луначарского, но и политбюро вообще.

Осенью 1921 г. Горький покинул страну и остановился в Берлине. Летом 1922 г. Ходасевич тоже уехал. Так начался новый и самый плодотворный этап их отношений. Часто ежедневные встречи за чаем, игрой в карты, нередкие походы в кинематограф, информация о переписке и совместном проживании в эмиграции рукой Ходасевича записаны в его «Камер-фурьер-

¹⁴ См. подробнее: Там же. С. 351–353.

¹⁵ Там же. С. 353.

¹⁶ Там же. С. 357.

¹⁷ Там же.

ский журнал»¹⁸. Журнал этот Ходасевич начал вести в первый день своего пребывания в Берлине — 30 июня 1922 г., а уже на следующий день он написал Горькому: «Мне здесь трудно ориентироваться литературно, не поговорив с Вами»¹⁹. С лета 1922 г. до лета 1925 г. всякая деятельность Ходасевича была связана с Горьким. Часто он переезжал вслед за Горьким (из Берлина в Сааров, из Германии в Чехословакию, в Италию), позднее в Сорренто они вместе арендовали виллу.

В Германии Горький и Ходасевич решили выпускать журнал «Беседа», который оба представляли свободным журналом, соединяющим советскую Россию с эмигрантами. Для Горького было принципиально, чтобы журнал публиковался на советские деньги и отправлялся в Россию. И по мнению Ходасевича, он мог пойти на многое, чтобы иметь такую возможность: «Он решился на репрессию: написал в Москву, что не будет сотрудничать в советских изданиях, пока “Беседу” не пропустят в Россию»²⁰. Но «Беседа» закончилась на 6 выпуске²¹. Переписка, в которой Горький неоднократно пытался убедить Ходасевича, что журнал все же будет печататься в России²², раскрыла Ходасевичу одну особенность Горького, которая проявлялась и раньше, но своего апогея достигла в связи с «Беседой»: «Я не без горечи указал ему в ответном письме, что меня удивляет, каким образом год тому назад его известили о допущении “Беседы”, а теперь оказывается, что тогда вопрос еще и не обсуждался. На это Горький мне возразил: “Разрешение на “Беседу” было дано, и книги в Россию допускались, — писал он. — Затем разрешение было опротестовано и аннулировано”. Это была ложь, на которую Алексей Максимович отважился, полагая, будто мне неизвестно, что книги в Россию не допускались ни-

---

¹⁸ Ходасевич В.Ф. Камер-фурьерский журнал. М.: Эллис Лак, 2002. С. 25–68.

¹⁹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 447.

²⁰ Там же. С. 361.

²¹ См. подробнее: *Вайнберг И.И.* Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4: 1939–1960 гг. С. 187–207.

²² Там же. С. 202–203.

когда. <...> После почти двухмесячного молчания он писал мне 20 июля: «<...> Весь материал заготавливается здесь, печатается — в Петербурге, там теперь работа значительно дешевле, чем в Германии. Никаких ограничительных условий Ионов пока не ставит». Это было уже чистейшее лицемерие»²³. После очередного письма Горького о «Беседе» (от 13 августа 1925 г.²⁴) Ходасевич перестал отвечать ему.

Так в глазах Ходасевича Горький стал лжецом, лицемером, шулером, «поклонником и создателем обманов», «ненавистником правды». Все это подтверждал Ходасевич воспоминанием того или иного случая, который приключился с Горьким за время их тесного общения. Ходасевичем зафиксированы и вполне безобидные обманы, и жестокие. В «Некрополе» приводится история одного такого обмана, причинившего человеку сильные страдания: «Однажды он вызвал к себе кн. Палей <...> и объявил ей, что ее сын, молодой стихотворец кн. Палей, не расстрелян, а жив и находится в Екатеринославе, откуда только что прислал письмо и стихи. Нетрудно себе представить изумление и радость матери. <...> Через несколько времени кн. Палей, конечно, узнала, что все-таки он убит, и, таким образом, утешительный обман Горького стал для нее источником возобновившегося страдания»²⁵.

Среди воспоминаний Ходасевича были и случаи лжи-дурочества, приносившие Горькому восторг: «Он вбежал ко мне в комнату сияющий, с пританцовыванием, с потиранием рук, с видом загулявшего мастерового, и объявил:

— Во! Смотрите-ка! Я спер у Марьи Игнатьевны десять лир! Айда в Сорренто!

Мы пошли в Сорренто, пили там вермут и прикатали домой на знакомом извозчике, который, получив из рук Алексея Максимовича ту самую криминальную десятку, вместо того чтобы дать семь лир сдачи, хлестнул лошадь и ускакал, щелкая бичом, оглядываясь на нас и хохоча во всю глотку. Горький вы-

²³ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 372.

²⁴ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. С. 243–244.

²⁵ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 173.

тарачил глаза от восторга, поставил брови торчком, смеялся, хлопал себя по бокам и был несказанно счастлив до самого вечера»²⁶.

Рассматривая эту особенность Горького с разных сторон, в «Некрополе» Ходасевич попытался объяснить его страсть к обману: «Его воображение равно волновали и поэты, и ученые, и всякие прожектеры, и изобретатели — вплоть до изобретателей перпетуум мобиле. Сюда же примыкала его живая, как-то очень задорно и весело окрашенная любовь к людям, нарушающим или стремящимся нарушить заведенный в мире порядок. Диапазон этой любви, пожалуй, был еще шире: <...> от фокусников и шулеров, — до глубочайших социальных преобразователей»²⁷. Так Ходасевич пришел к тому, что любовь к обману была связана у Горького с трепетным отношением к мечте: «Способность человека осуществить надежду ценил он не высоко, но самая эта способность к мечте, дар мечты — приводили его в восторг и трепет»²⁸.

Горьковское поклонение обману и мечте Ходасевич осмыслил и через его произведения: художественное воплощение такая природа Горького обрела в пьесе «На дне», в которой Лука и Сатин явились проекциями самого автора: «Сквозь русское освободительное движение, а потом сквозь революцию он прошел возбуждателем и укрепителем мечты, Лукою, лукавым странником»; «Сатина из “На дне”, положительного героя и глашатая новой общественной правды, он не задумался сделать по роду занятий именно шулером»²⁹.

В качестве еще одной внутренней причины поклонения Горького обману и мечте Ходасевич указал «делание биографии»³⁰: «Совершая какой-нибудь поступок, который был ему не

---

²⁶ Там же. С. 170.

²⁷ Там же. С. 168.

²⁸ Там же. С. 166.

²⁹ Там же. С. 168.

³⁰ «Портрет Горького открывает альтернативную несимволистскую форму житнетворчества и воспроизводит процесс стереоскопического взгляда Ходасевича» [Пер. мой. — Д.С.] (*Brooks D. Vladislav Chodasevič's Necropolis: Writing lives in the city of the dead // Russian Literature. 2016. Vol. 83–84. P. 125*).

по душе или шел вразрез с его совестью, или наоборот — выдерживаясь от того, что ему хотелось сделать или что совесть ему подсказывала, — он говорил с тоской, с гримасой, с досадливым пожиманием плеч: «Нельзя, биографию испортишь»³¹.

Были у Горького и внешние причины. По мнению Ходасевича, на писателя оказывалось влияние. В очерке «Горький» (1938) он приводит несколько историй, связанных с Е.П. Пешковой и М.И. Будберг. Влияние первой жены было политическим («В феврале 1925 года приехала Екатерина Павловна Пешкова. <...> С первого же дня ее пребывания начались в кабинете Алексея Максимовича какие-то долгие беседы, после которых он ходил словно на цыпочках и старался поменьше раскрывать рот»³²); влияние Будберг основывалось на выгоде («Он явно шел с властью на похабный мир, заключаемый по программе Мары: пока можно тянуть — жить за границей, а средства для жизни получать из России»³³).

Завершая свое «исследование» Горького, Ходасевич отметил, что любовь к обману и мечте оказались губительны: «Он стал рабом и льстецом. Его поставили в такое положение, что из писателя и друга писателей он превратился в надсмотрщика за ними. <...> Сознавал ли он весь трагизм этого — не решаюсь сказать. Вероятно — и да, и нет, и вероятно — поскольку сознавал, старался скрыть это от себя и от других при помощи новых иллюзий, новых возвышающих обманов, которые он так любил и которые в конце концов его погубили»³⁴. В этом отчасти злом, отчасти справедливом комментарии прослеживается ходасевичевское сочувствие.

При всей жесткости характеристик Ходасевича Горький, как представляется, был близким и дорогим ему человеком. В стихотворении «Соррентинские фотографии» (1925–1926), которое создавалось в момент «разрыва», появляется образ Горького. Сквозным сюжетом стихотворения является просмотр неудачных фотографий, которые получились из-за на-

³¹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 180.

³² Там же. С. 367.

³³ Там же. С. 373.

³⁴ Там же. С. 375.

ложения кадров: «Порой фотограф-ротозей / Забудет снимкам счёт и плёнкам / И снимет парочку друзей, / На Капри, с беленьким козлёнком — / И тут же, плёнки не сменив, / Запечатлеет он залив / За пароходную кормюю / И закопчёную трубу / С космою дымною на лбу. / Так сделал нынешней зимою / Один приятель мой. Пред ним / Смешались воды, люди, дым / На негативе помутнелом»³⁵. Ходасевич создает статичное, как на фотографии, зашифрованное в наслоившихся друг на друга негативах, не сразу уловимое лицо. Единственная деталь здесь (дымная косма на лбу) воспринимается как портретная. Можно предположить, что на фоне итальянского пейзажа, символически связанного в сознании русского человека с Горьким, зашифровано именно его лицо.

Появление портрета Горького не только в воспоминаниях, но и в поэзии Ходасевича периода эмиграции было закономерным. Во-первых, в «Соррентинских фотографиях» Ходасевичем осмысляется предреволюционное время, революция и самое начало эмиграции. Именно тогда произошло их знакомство, сложились доверительные отношения, именно в это время Ходасевич узнавал Горького, «вчитывался» в него. Горький был для него лицом эпохи. Во-вторых, на протяжении первых трех лет эмиграции Горький был его собеседником, сподвижником в журнальной деятельности, другом, с которым вечерами играли в бридж, пили чай, гуляли, обсуждали литературу, спорили. Эти два обстоятельства (Горький — лицо эпохи и Горький — значимая фигура в биографии Ходасевича) стали причиной того, что Ходасевич после прекращения общения продолжил узнавать, изучать, «развинчивать» Горького.

---

³⁵ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2009. Т. 1. С. 173.

Список литературы

1. *Вайнберг И.И.* Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В.Ф. Ходасевич и другие // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4: 1939–1960 гг. С. 187–207.
2. *Горький А.М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. 971 с.
3. *Клинг О.А.* Немецкий период А.М. Горького в реконструкции В.Ф. Ходасевича // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 170–178.
4. *Луговская Д.А.* История создания мемуаров В.Ф. Ходасевича о М. Горьком // Текстология и историко-литературный процесс. VII Международная конференция молодых исследователей: сборник статей. 2018. С. 128–142.
5. *Ходасевич В.Ф.* Камер-фурьерский журнал. М.: Эллис Лак, 2002. 477 с.
6. *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996–1997. Т. 2, 4.
7. *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Русский путь, 2009–2010. Т. 1, 2.
8. *Черкасов В.А.* Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком // Литературный факт. 2018. № 7. С. 331–348.
9. *Brooks D.* Vladislav Chodasevič's Necropolis: Writing lives in the city of the dead // Russian Literature. 2016. No 83–84. P. 113–128.